

«Вывешивают в галереях, в музеях, на выставках множество картин, выставляют в витринах красивые вещи, выращивают в оранжереях цветы, а что это по сравнению с красотой живой женщины? А у нас напихают на кино-картины рожу на роже – и смотри, любуйся! Выходит так: рябая, курносая, уродина – значит пролетарская, а красивое лицо – значит буржуазная. Рабочий и думает: пролетарскую смотреть – рожу увидишь, буржуазную – красивое лицо... А так как он материалист, красота же тоже материя, то и идет к красивому, идет посмотреть на заграничных картинах красивых жизнерадостных людей... А эти люди с полотна делают свое дело, насыщают враждебной идеологией. Остолоповщина!»

Такие рассуждения можно прочитать на стр. 285 романа «Большаком» (Изд. МТП, 1933 г., 24,5 авторских листов, тираж 10200).

Замечательное рассуждение о материи красоты передано мимоходом, но оно является прогаммным и для автора романа Константина Шарова, и для ответственного редактора Н. Колоколова.

Этой паре, хорошо понимающей, как видно, один другого, удалось выпустить редкое произведение, которое сразу было замечено критикой. О романе есть заметки в книжке Мих. Презента «Заметки редактора» и в № 6 «Литературная критика».

По своей теории о материи красоты автор подобрал и героев.

Солнцев Андрей! Каково? Даже по фамилии чувствуешь, что такого не перекрыть.

«Высокий и стройный» (стр. 22), «звучный и мужественный голос» (стр. 23). «Шел немного развалистой походкой человека, привыкшего к седлу. Русые густые волосы его откинута назад. Тонкие, но сильные руки в свое время рубили саблей лучше других. Продолговатое, немного бледное лицо казалось точеным. Особенно хорош был высокий лоб. В движениях его сказывалась уверенность и скромность. Стоя у стола, он смотрел на всех, а каждому из присутствующих казалось, что Солнцев глядит только на него; он говорил всем – и в то же время как будто беседовал с каждым отдельно» (стр. 23).

Солнцев – член крайкома, но он «по собственному желанию» (просто ведь это делается!) уехал председателем колхоза «Партизан» состоящего из 13 хозяйств.

Когда такой явился к партизанам и объявил, что будет у них организатором, «минута изумленного затишья сменилась взволнованными радостными криками. Многие сорвались со скамеек.

– С нами опять!

– Ну, так мы чорта теперь своротим!» (стр. 34).

Вон, он Солнцев-то! Это вам не «Стручок» какой-нибудь, а полубог. Какая героиня устоит, если еще, как это сделал автор, показать ей подобного героя сразу на коне. На мертво будет завязано, до конца романа не сдаст.

А чем плох начмил Орел, неожиданно появляющийся с шашкой наголо и с дымящимся наганом во всех особо затруднительных для автора местах романа? Или Вихрев? Разве не видно сразу здесь бурной стремительности этого героя?

В романе есть и классовые враги. Показаны не одни рядовые кулаки и подкулачники, даны и две фигуры их вожаков: архиерей – бывший полковник Конин и агроном колхоза Ткачев – бывший поручик Громов.

Но как бы не хороши были герои, героини еще лучше.

Этих героинь три: Вера, Ирина и Нюра. Основная – первая.

«Голубоглазая девушка с тонким профилем и тонкими музыкальными руками. Черные волосы небрежно собраны шпильками в клубок на затылке. Длинное платье с узким вырезом у шеи плотно схватило сильно развитые бедра и полные груди» (стр. 32).

Такова Вера. Она, конечно, грамотна, может быть учительницей и руководить женщинами.

«Молодая, среднего роста, женщина. Черные волосы спустились толстой косой ниже пояса... У нее (не у косы, конечно!) стройные ноги, закрытые до колен неширокой, почти городской юбкой. Неполное лицо с крупными чертами и чуть вздернутым носиком, как васильки глаза – темносиние в ресницах редких и не длинных, сросшиеся брови и плотно сбитое тело» (стр. 48).

«Андрей невольно заметил, как ветер погнал платье между ее стройными ногами, как из под тонкой кисеи кофточки потянулись к нему полные зрелые груди» (стр. 94).

Это героиня номер два – Ирина.

Но всю силу своей кисти автор показал на описании третьей героини – Нюры.

«Байлев (тоже герой, только среднего качества, из городских партийцев, прокурор, неустойчивый элемент) при виде девушки невольно первым склонился в торопливом приветствии. Она же, точно сознавая всю силу пышных и стройных форм своего тела, смуглого прекрасного лица с линиями сдержанной страстности, больших глаз с бездонной прозеленью, небрежно кивнула и прошла неторопливо на кухню. Байлев не мог оторвать взгляда от ее волнующихся широких плеч и еще более широких бедер, соединенных гибкой талией» (стр. 275).

У этой героини «сочные груди» (стр. 272) и «маленький рот, набитый до краев белыми зубами» (279.).

Итак, три героини. Одна с полными грудями, другая со зрелыми, третья с сочными. Какая широкая палитра грудей У Константина Шарова и его соучастника Н. Колоколова!

Первая коллизия. Он – Солнцев – член крайкома, старый партиец, в прошлом партизан, теперь руководитель колхоза. Она – Вера (с музыкальными-то руками) – дочь злостного кулака Трифона Созонова. Как их свести без идеологического изъяна?

«Дочь кулака считается она, а разберись – може и не дочь» (стр. 61). Так говорит Солнцеву о Вере один из колхозников партизан Егор и рассказывает такую историю.

У кулака Созонова жила батрачка Поля. В этом же кулацком хозяйстве батрачил Егор. Пара любила друг друга и готовилась завершить любовь браком, но кулак Созонов изнасиловал красивую батрачку и потом женился на ней. Егор сначала не истовствовал: пытался убить кулака, бил Полю, но потом смирился.

«Раз вечером встретились на гумне. Первый раз в этот вечер была она моя вся, без остатка. После не раз встречались тайком... Забеременела она...

– От кого? – приподнялся на стременах Андрей.

Егор побледнел, и криком вышло:

– Разве скажешь?» (стр. 62).

«Сильно на Полю похожа, да и есть в ней што-то мое» (стр. 63).

После такого биологического экскурса, Егор начинает говорить о Вере, что она «по мыслям совсем не кулацкая», что ее любят в селе, а отец бьет.

Колхозники смотрят на Веру как на близкого человека. Солнцев по этому поводу изрекает:

– «Редко, но встречаются и в стане наших врагов близкие нам люди. Надо только умело искать, чтобы не ошибиться» (стр. 66).

– «Зачем искать, – улыбнулся Егор. – Они сами приходят» (стр. 66).

– «Молодец, Егор, – похвалил Андрей, – здорово поправил. Это называется – человек нашел свой класс. А класс сильнее семьи, родины, когда человек его найдет» (стр. 66).

На таком идеологическом фундаменте автор возводит маленькую надстроечку: заставляя кулака избить свою дочь ремнем за то, что она плохо слушает поповские наставления. Предполагаемый отец Веры Егор, «слившись с конем, легко пролетел над оградой палисадника» (стр. 78) и во время увез «полуобнаженную истерзанную дочь кулака в больницу. А уж оттуда она прямым путем в колхоз на роль учительницы и женорганизатора. Восторженные колхозники даже решили ее переименовать из Веры Трифоновны Созоновой в Веру Егоровну Новожилову.

Андрей любит Веру. Вера любит Андрея. Пути к их окончательному сближению расчищены. Уже «окна-глаза залучили победой наружу, губы сложились для песен надежд» (стр. 158).

На пути стоит вредитель Громов. Он пытается увлечь Веру апробированием хлебов в поле в вечернюю пору. В действительности же Громов имеет ввиду другое. В разговоре с отцом Веры (юридическим отцом – кулаком Созоновым) Громов дает такую наметку своих действий.

– «Она (Вера) у тебя, кажется, невинная?»

– Как агнца непорочного сохранял.

– Так вот, я ей невинность сломаю, а потом она за мной будет таскаться, как... Понял? Ха-ха-ха.

– Кукиш, значит, стервецам! – привскочил Созонов, потирая руки, и хихикнул восторженно – У-утешил ты меня!» (стр. 189).

Из всех стараний Громова, однако, ничего не выходит. Стойкая героиня, овладевая техникой опробирования, совсем не интересуется апробатором, и эти вечерние прогулки по полям идут в пустую.

Основную любовную коллизию, которая идет до конца романа, автор дает гораздо сложнее и совершенно в необычном порядке...организационно-экономическом!

Дело представляется так.

Член крайкома Солнцев в первую же ночь, которую ему пришлось ночевать в колхозе, сходится с женой старого больного партизана Ириной. В романе это описано подробно и так красочно, что в книжке М. Презента и в «Литературном критике» этот кусок приведен полностью, как своего рода образец приближения к описаниям былым «мочеполовых» классиков: графа Амори, Нагродской и др. Повторять живой кусок не станем.

Результат сближения Солнцева с Ириной не замедлил сказаться. Ирина, из желания закрепить за собой Андрея, становится лучшей ударницей колхоза. Но это положение все-таки неустойчиво. Уже после первой мимолетной встречи с Верой Солнцев потерял равновесие.

«Много дум в голове – не разобраться: то Ирины лицо, то глаза той, в окне» (стр. 50).

Когда же Вера – уже с измененной фамилией и проясненным происхождением – стала работать в колхозе, влечение к ней Солнцева усилилось, и он охладел к Ирине. Та, в свою очередь, охладела к работе и отдалась первому проходящему, сообщив Солнцеву:

«Не хотел. Отдалась другому. Только сейчас. Зато о тебе думала» (стр. 98).

Этот бунт ирининого тела в ловких руках автора и его соумышленника-редактора превращается в серьезную угрозу... всей производственной жизни колхоза.

Фальшивое положение председателя колхоза (бывший любовник) и женорганизатора Новожиловой (соперница) делает Ирину недоступной для обычных форм воздействия на лодырей, и она совсем перестает работать. Пример заразителен. Глядя на Ирину, плохо стали работать и другие и тоже устремились... по линии любовных излишеств. Как видно, колхоз к этому располагает. Не даром же сложилась кулацкая легенда о семидесятиметровом одеяле.

Одна колхозница жалуется Андрею на мужа, который сам ей признался:

– «Не могу, говорит, мало мне тебя. Сам знаю, не гоже, а не могу...

– Да, Иуда, говорю, все время с тобой, бери когда хочешь.

– Не берется, говорит, больше того, что есть, а на других тянет» (стр. 172).

Случай не единичный. Солнцев, рассказал Егорову об этой колхознице, добавляет:

«Другая в тот же день бросила работу, потому что тот, кого она любит, не с ней». В последние дни еще два случая. Колхозник один заявляет: «Брошу колхоз, – жена ушла к другому, сил нет смотреть».

– Выходит, противник с тыла, заметил Егор озабоченно, – Тяжелый, видать.

– Да, а побороть нужно, иначе многое летит к чорту» (стр. 177).

Остроумный автор легко находит прием и против этого «противника с тыла». После беседы с Егором Солнцев приглашает в свой «рабочий кабинет» Веру.

«Она вышла, как всегда, жизнерадостная, счастливая от встречи с ним» (стр. 179).

Он волнуется – «ручка переломилась между пальцами Солнцева» (стр. 179).

«Впервые оба почувствовали, как близки они друг другу. Было трудно, почти невозможно отвести встретившиеся взгляды». (стр. 180).

И вот в этом состоянии любовного томления герои договариваются, что Андрею надо... вернуться к Ирине.

Благородная героиня, Вера «почти падая от невыносимого страдания, от смертельной тоски, странно спокойным голосом произнесла:

– На человека, который любит, которого безумно любят и который для коллектива отказывается от этой любви – на такого человека можно молиться» (стр. 180).

Ирина после этого «опять работала прилежно, и выражение злобы сошло с лица. Только веселости прежней не было. Женщина часто задумывалась, и порой в глазах проступала глубокая скорбь» (стр. 190).

«Вы сильно любите друг друга. А со мной Андрей нежен сейчас только из жалости. Мне не нужно этого. Мне тяжело, но ему, может быть, еще тяжелей. И тебе тоже... Как изменились вы оба за последнюю неделю. Только не знаю, почему вы оба отказываетесь от счастья. Я много жила, и буду еще жить. Ты – только начала. Я никому не хочу мешать... Я почти счастлива за вас».

Так объясняет свое состояние Ирина в разговоре с Верой. (стр. 191).

Наметившееся примирение соперниц завершается дружбой, когда Солнцева похитили кулаки.

Не смейтесь, читатели! Самое обыкновенное дело! Купался человек вечером. Его подстерегли, утащили в церковный подвал и держат там в самых ужасных условиях до распоряжения Громова.

Колхозники сначала ищут Андрея в реке с помощью сетей, веревок и... крючков (стр. 193). Последний способ выуживания утопленников крючками, к сожалению, не описан автором подробно и не пояснен редакцией.

Чуткая Вера, несмотря на то, что все остальные колхозники примирились со смертью Андрея, продолжает поиски. Через несколько дней слезки она проникает в укромный угол дома

и узнает, что Солнцева завтра, после вечерни, решили убить. Вера с Егором (предполагаемым отцом) проникают в церковь незамеченные. Происходит перестрелка, в результате которой все кулаки оказались убитыми, кроме отсутствовавшего Громова. Солнцев был ранен. Его отправили в Москву для лечения. Вера, «оправившись от нервной горячки, с головой ушла в работу». Руководителем колхоза оказался агроном Ткачев (Громов). Пользуясь слабостью секретаря ячейки, старого коммуниста Дятлова (ох уж эти старые коммунисты!) Громов-Ткачев развертывает свою вредительскую работу в колхозе и в то же время делает попытку снова увлечь Веру. Отчаявшись в успехе, он решил перейти к открытой форме насилия и заманил Веру в свою комнату, но там был арестован Солнцевым, который явился в колхоз почему-то в виде странствующего старика.

Любовные страдания, однако, на этом не кончились. Они тянутся еще на сотню страниц, но, думаю, что о них уже не стоит говорить.

Кроме основной любовной интриги в романе есть две боковых: архиерей и поповна, оппортунист Байлев и кулацкая дочь Ньюра. Здесь же секретарь комсомольской ячейки Лунев.

Первая носит характер преходящий, являясь скорее иллюстрацией крайней степени разложения вожаков кулачества, но вторая – развернута широко. Проводить, однако, эти второстепенные любовные интриги едва ли надо. Можно лишь сказать, что обе интриги автор честно довел до полного конца, даже с последующей оценкой, которую приводить здесь не совсем удобно, хотя она и напечатана.

Вообще, автор и редактор, видимо задались целью дать стопроцентный роман, где любовные переживания занимали бы должное место. Эти переживания у них являются даже мерилем времени и действий.

«Когда умолкли двухрядки и парни мяли упругие груди девченок, по селу зашагали плечистые люди» (стр. 10). Так начинается рассказ о первом собрании по организации колхозов.

Есть в романе и жизнь колхоза, деревни, даже страны, но это либо до того «поэтично», что не дотянешься, либо дано на специальном, «колхозном» языке, который не поймешь.

Вот пример первого.

«Шел октябрь двенадцатого года советов. Скрипели хлебные воза. С возами люди шли. Похожие и разные. В улыбках тех, что от Днепра и Дона раскинулись в дорогах по степи, то простота, лукавство и задор, то едкая ирония и смелость, весь быт, вся степь, весь лес, весь Днепр, вся Украина... Шли сибиряки с шумящей тайгой в глазах, казакстанцы с монотонными и грустными мелодиями, как безводная степь, шли волжане, удалые, широкие, как разлившаяся Волга, с речами как ухабы; белоруссы, хмурые как седые туманы над болотами; шли северяне, бодрые как снег, как лед, как бури; кавказцы, порывыстые как ключ в теснинах гор; шли уральцы, суровые как горные хребты и кряжи». (Стр. 209).

Видите, сколько поэзии.. банальности и безграмотности!

Колхозники, как водится, мало культурны. Они – масса, толпа... Не высоко стоит и деревенская ячейка. «Кто там? Крестьяне, у которых голова в партии, а ноги увязли в хозяйстве» (стр. 13). Говорит эта колхозная масса мало вразумительно.

– Жизнь из копейки тысячной будет!

– Их слова – наши. Чево мы будем дальше меж себя муслякать?» (стр. 19).

– Струганем, ежели свои, а не свои, так в охапку!» (стр. 20).

– Ну и суррогат! Крепко долбит, крыть нечем» (стр. 229).

– Прошу не дыбаться. Вещуга серьезная.

– А, ну, садани» (стр. 382).

Теперь, говоря по Шарову, «вещуга серьезная»: можно ли терпеть дальше такое издевательство над читателем?

Мих. Презент в своей книжке отметил нездоровую эротику романа, в «Литературном критике» посмеялись над этим же (№ 6, стр. 156), редакция «Литературного критика» пообещала дать разбор романа. И только?

Мало этого для такого литературного скандала, как выпуск романа К. Шарова.

Приведенные выдержки, надеюсь, достаточно говорят, что речь может идти не о «вылавливании блох», не «о досадных шероховатостях» и ляпсусах идеологического порядка, не «об ошибках архитектоники», не о «повышенной склонности к красивому» и т. д. Выпуск подобной книжки нельзя считать ошибкой, над которой можно посмеяться и за которую следует пожурить ответственного редактора. Ведь невозможно допустить, чтоб сколько-нибудь грамотный редактор мог не заметить кричащей неграмотности и контрреволюционного упрощенства, не говоря уж о порнографии, которая прет чуть не из каждой строки.

Редактура художественных отделов наших издательств, видимо, требует более пристального внимания к себе не только со стороны критики, но и всей писательской общественности. Пора всерьез заинтересоваться, кто и как у нас отбирает и редактирует, особенно произведения начинающих и мало известных авторов; имеет ли этот редактор хоть какое-нибудь право на такую особо ответственную работу: ведь только в результате полного безразличия к этому участку у нас, вместо колхозного романа, могла выйти подобная халтура.